

УДК 801.7:930.27

**РУКОПИСНЫЕ КНИГИ XIV – XVII ВЕКОВ
В КНИГОХРАНИЛИЩАХ КАЗАНИ
И ИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Г.А. Николаев

Аннотация

В статье проводится анализ русских рукописных книг XIV – XVII вв., находящихся в книгохранилищах Казани, в плане лингвистических особенностей и культурно-исторического значения.

Славяно-русские рукописные книги средневековой России представляют общекультурную ценность и являются объектом исследования разных отраслей гуманитарного знания: истории русского народа, его культуры, истории русского языка, литературы, истории религии, богословия и т. д. Казань занимает заметное место среди городов, в которых хранятся древние рукописные книги. В ее книгохранилищах – отделе рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета (ОРРК НБ КГУ), Национальном музее Республики Татарстан (НМРТ), Национальном архиве (НАРТ) – сосредоточено свыше 100 единиц славяно-русских рукописных книг XIV – XVII вв. Однако рукописные сокровища Казани почти неизвестны специалистам и совершенно недостаточно изучены в аспекте филологии, истории, археографии и культуроведения. Объясняется это отсутствием научного описания и сводного каталога этих книг.

Мне не хотелось бы высказывать тривиальных суждений, но не могу не напомнить, что каждая рукописная книга – неповторимое явление нашей духовной культуры, нашей истории. Каждая из них обладает только ей присущими историко-культурными, языковыми, палеографическими и другими особенностями. А потому каждая из них вызывает у тех, кто берет ее в руки, новые мысли, дает основу для оригинальных наблюдений, заключений. Каждая рукопись многозначнее и многозначительнее своего издания. Каждая из них заслуживает отдельного изучения и монографического описания.

В Казанском университете под руководством автора данной статьи создан научный коллектив, поставивший своей задачей дать описание казанских рукописных книг и составить их сводный каталог. Инициатива эта была поддержана Российским гуманитарным научным фондом (проект № 01-03-00854а) К настоящему времени описаны и каталогизированы книги XIV – XVI вв., ведется описание книг XVII в.

Я не буду подробно останавливаться на путях формирования казанской коллекции рукописных славяно-русских книг: они, пожалуй, одинаковы для

всех рукописных собраний. Отмечу только, что начало ему положил Иван Грозный. Отправляя в 1555 г. в Казань первосвященников Гурия, Варсонофия и Германа, он снабдил их иконами и другой церковной утварью, а главное, книгами. Вот как об этом сказано в *Житии Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев*: **Самодержецъ же посылаетъ со архіеп(и)ск(о)помъ въ соборную ц(є)рковь прес(вя)тыя вл(а)д(ы)ч(и)цы нашеѡ Б(огоро)д(и)цы ч(є)стнаго и славнаго ѡ вл(а)говѣщеніа чюднымъ мѣстнымъ иконы и прочее церковное драгоє строеніе, книги же многіе вдаетъ изъ своеѡ ц(а)рскія казны; къ тому же и из ч(є)стныхъ монастырей повелѣваетъ самодержецъ архіеп(и)скопѡмъ образы и книги приносить властемъ** (НМРТ, № 8784, л. 159–160).

Книги, дарованные Иваном Грозным Гурию, вошли позже в состав одной из первых крупных русских библиотек Казани – библиотеки Благовещенского собора в казанском Кремле. Писцовые книги города Казани содержат информацию о составе этой библиотеки: **А книгъ в церкви Благовещеніе Пречистые: евангеліе тетр в поддестъ поволочено бархатом, кресты и евангелисты и заставки серебряны золочены, два апостола тетры оба в дестъ, устав в дестъ, а другая четвѣртная, служебник в поддестъ, тrefолой с новыми чудотворци в дестъ, а пять миней в дестъ, две триоди одна постная, а другая цвѣтная, книга Златоустъ** [1]. Часть этих книг сохранилась и находится в настоящее время в книгохранилищах Казани и других городов. Определенно известно, что в казанском музее хранятся две книги, которые привезли сюда первые московские миссионеры: это Тверское Евангелие 1478 г. (НМРТ, № 8772) и Устав Иерусалимский 1554–1556 гг. (НМРТ, № 9477).

Значительную часть рукописных книг, хранящихся в Казани, составляют церковные книги богослужебного характера: евангелия, апостолы, псалтыри, служебные минеи, октоихи, триоди, ирмологии, каноники, слова отцов церкви, церковные уставы, синодики казанских монастырей и др. Есть, однако, и книги светского содержания: хронографы, исторические сборники, список «Казанской истории», художественные произведения. Особого внимания заслуживает **Донатѡс, сирѣчь грамотика и азбѣка**, список XVI в., который изучал И.В. Ягич и издал значительную его часть [2]. Не ставя под сомнение значение последних, несколько подробнее хотелось бы остановиться на церковных книгах и их ценности для местного краеведения.

Прежде всего здесь нужно назвать книги, написанные на местные сюжеты (жития местных святых, сказания, синодики и т. п.). Таковы, например, повести конца XVI в., написанные в Казани митрополитом Казанским и Свияжским Гермогеном – *Житие Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев* (см. выше) и *Сказание о явлении Казанской иконы Божией Матери* (НМРТ, № 9475). Содержательная ценность такого рода памятников заключается в том, что помимо повествования о чисто церковных событиях, важных для местной церковной истории, эти памятники включают известия и о светской городской жизни, например, сведения о казанском пожаре конца XVI в., помещенные в *Сказании о явлении Казанской иконы Божией Матери*, музейного сборника-конволюта конца XVI – начала XVII вв.:

М(с)ца юна в .кг. днь. На пам(т) стыл и великомчицы агрѣны. Бысть пожаръ великъ в новопросвещенном мѣсте и граде Казані в полѣденное время. загорѣса весь посадъ без остатка и погорѣ половина поса(да) людіе же хр(с)тоиманити и бголюбиви. вѣроу не ѿпа(д)ше и познавше свое согрѣшеніе и обратишася на поканіе. и начаша созидати цркви бжіа и свои дома... (л. 34 об.). Так в переплетении церковного и светского можно извлечь информацию о событиях, происшедших в Казани в конце XVI в.

Безусловно, интересны сведениями о жителях Казани и ее окрестностей синодики местных монастырей: Раифской Богородицкой пустыни (НМРТ, № 9454), Свяжского Богородицкого монастыря (НМРТ, № 8748) и др.

Значительные сведения о местной истории дают жития казанских святых, и прежде всего упомянутое выше Житие Гурия и Варсонофия. Особенностью этого жития является его историческая информативность: наряду с чисто религиозными событиями в нем дана весьма реальная картина светских событий, сопровождавших появление в Казани в 1555 г. православной епархии, во многом совпадающая с летописной версией. Временная близость жития к описываемым событиям, большая доля информации о реальных событиях сближает это житие с летописью и тем самым определяет специфику его жанра как позднего жития. Многие события, описываемые в житии, имеют текстовую датировку.

Определенные краеведческие сведения несут церковные книги (даже традиционного содержания – евангелия, апостолы, псалтыри и др.), имеющие на своих полях, в конце рукописи или на свободных листах записи и приписки, отражающие давние события местной жизни, церковной и светской. Наибольший интерес представляет в этом плане *Устав Иерусалимский* 1554–1556 гг. (НМРТ, № 9477). Памятник содержит большую запись на лл. 530–531 о создании рукописи, участии в этом архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Казани Варсонофия. В записи сообщаются также сведения о строительстве этого монастыря в казанском кремле, о тогдашнем казанском наместнике и, что особо важно, о начале книгописания в Казани.

Запись гласит, что книга эта написана повелѣніемъ и оустроеніемъ(м) вѣнчанаго и бго(м) оукрѣплага самодръ(ж)внаго црл г(с)дрл велика(г) кнзл ивана васильевичл всеа рѣси(и) самодръжца въ новопросвѣщен'нем градѣ казани оу всемілостиваго спаса вголѣпна(г) его прешвращеніа га ба и спаса ншего іс ха. и велико(г) чудотворца николаы ратнаго во вбщѣм манасты(р) написа(н) бы(с) тупи(к) сен сирѣчь оуста(в). а почета бы(с) писати на пѣсноши в лѣ(т) .Зѣв(г). а дописана бы(с) в' казани. лѣ(т) .Зѣд(г) при бгговѣр'но(м) и хр(с)толюбиво(м) цри велико(м) кнзе иване васи(л)евиче всеа рѣси(и) самодръжце. и при его бгодарован'не(м) снє црвче иване ивановиче. и прі сцно(м) митрополите макарий. и прі архіеп(с)пе гѣрїи ка(за)ньски(м) и свита(ж)ски(м). и положена бы(с) книга сіа многогрѣшны(м) чер'нице(м) архіма(н)дрито(м) ва(р)соунофіемъ что бы(л) нгѣмень на пѣсноши. А

писа(н) с пѣснош'скаго оустава з бо(л)шо(г). а тот писа(н) с троец'каго сер'гѣева манастрѣ. А в' казани бы(л) тогда ц(с)рѣ г(с)дрѣ велико(г) кнзѣ вогаринъ и воевода и намѣстни(к) кн(з)ѣ петръ иванови(ч) шоу(и)скои и при томъ почѣ(т) бы(с) монастырь строити кѣльи. и вграда. И всѣкое строеніе монасты(р)ское архіма(н)дрито(м) вар'сѣнофіе(м) та(ж) в х(с)е з братією а брати с ни(м) при(ш)ло с пѣсноши келарь тихо(н) крылошани(н). фѣдори(т) ка(з)начѣи крылошанинъ Іевъ до(л)мато(в) крылошани(н) а постриженіки пѣсношьскіе. да сима(н) нероно(в) андроніко(в)ско(и) пострижени(к) крылошани(н). да а(н)дрони(к) по(д)келарни(к). да селивестръ слоужевни(к) тахонтова. а постриженіки пѣснош(и)скіе(ж). а дописана бы(с) сѣа книга рѣкою многогрѣшнаго раба вѣіа никифора таросла(в)ца. втци стїи и братїа в х(с)ѣ проходаще книгѣ сїю не пореците ба ради тѣлгости на дшѣ мою. Аще и неодоувереніе зрите и погрѣшенїа многа шѣрѣтающе (га) ради исправиваа чтите. гъ со всѣми вами и мл(с)ть его и з дхѣ(м) ваши(м) аминь.

Итак, книга создавалась при непосредственном участии Варсонофия. Существует мнение, что значительная часть рукописи написана им. Это подтверждается и почерками рукописи. Обращает в связи с этим на себя внимание тот факт, что в записи Варсонофий назван «многогрешным чернцом», а так назвать архимандрита мог скорее всего он сам.

Книга интересна поздними (конца XVI – начала XVII вв.) приписками-вставками в основной текст сведений о новых русских чудотворцах, канонизированных недавно, а потому не попавших в основной текст устава: о Иоанне, архиепископе Новгородском (л. 180 об.), Александре Невском (л. 239 об.), Павле Комельском (л. 285 об.), Михаиле Клопском (л. 286), Макарии, Калязинском чудотворце (л. 312 об.), Ионе, митрополите всея Руси (л. 317), Савватии и Зосиме, Соловецких чудотворцах (л. 318 об.), Пафнутии Боровском (л. 321 об.), Петре, митрополите Московском и всея Руси (л. 539 об.), Александре Свирском (л. 362). На л. 338 приписка о праздновании 8 (21) июля **новоявлен'ныя іконы Прчстыѣ Б(д)ци и(ж) в Казани**. Известно, что явление Казанской иконы Богородицы произошло в 1579 г. и описано оно Гермогеном. Сокращенная редакция этого Сказания Гермогена находится в сборнике-конволюте конца XVI – начала XVII вв. (НМРТ, № 9475, лл. 29–59), о котором речь шла выше.

В приписках к Уставу Иерусалимскому не упоминается святой Герман, второй после Гурия архиепископ Казанский и Свяжский. Он был канонизирован позднее, мощи его были возвращены в Свяжск по настоянию митрополита Казанского и Астраханского Гермогена в 1592 г., и только в XIX в. (в 1832 г.) при архиепископе Казанском Филарете Амфитеатрове празднование Герману из местного (свяжского) было распространено на всю Казанскую епархию.

Большая вставка о св. Германе имеется в *Житии Гурия и Варсонофия*, в которой говорится, что он, Герман Садырев-Полев, прибыл в Казань из города Старицы вместе с Гурием, был после него казанским архиепископом и что мощи его хранятся в созданном при нем Успенском соборе в Свяжске (НМРТ,

№ 8784, лл. 160–162). В Уставе Иерусалимском в записи на лл. 134об – 135 архиепископ Казанский Герман упоминается в связи с празднованием в 1565 г. в Благовещенском соборе престольного праздника, на котором присутствовали церковные иерархи из Греции – Кизический митрополит Иоасаф и Афонский епископ Феофан.

Интерес для местной истории представляют церковные книги, написанные в Казани, даже если в них нет записей и приписок. Известно, что каждая рукописная книга – это свидетельство организованной деятельности по развитию книжного искусства, одной из самых приоритетных составляющих культурной и интеллектуальной жизни города, края. До сих пор мы мало знаем о местных школах книжного мастерства. Известно, что книжное дело появилось после создания в Казани православной епархии. Три первосвятителя казанских – Гурий, Варсонофий и Герман – внесли большой вклад в собирание монастырских и церковных библиотек. Они же являлись и переписчиками книг, о чем свидетельствуют писцовые книги Казани и Свияжска.

Нередко церковная книга, даже не написанная в Казани, обрастает многими краеведческими сведениями, если такие сведения были где-то зафиксированы. По другим книгам приходится проводить поисковую работу на основании идентификации сведений, содержащихся в исторических источниках. Таковы, например, поиски по установлению истории Тверского Евангелия 1478 г. на основании описания книг первых церковных библиотек Казани и книжных собраний первых казанских святителей, помещенного в писцовых книгах и других местных источниках. Так или иначе, любая древняя книга, находящаяся в Казани, представляет огромную ценность как сама по себе, так и в отношении к истории местного края.

Рукописные книги церковного содержания интересны не только в культурно-историческом аспекте, но и в чисто лингвистическом. Давно уже стало устаревшим мнение о малой научной ценности книг традиционного содержания при рассмотрении проблем истории русского языка. Многие вопросы развития русского языка решены на материале славяно-книжных текстов. Как считает В.М. Марков, «русскими людьми язык древнейших религиозных сочинений... никогда не воспринимался как чужой: для них он представлял реализацию тех возможностей, которые были заложены в самом русском языке» [3]. Церковные книги, хранящиеся в Казани, не составляют в этом исключения: каждая из них интересна в том или ином отношении для истории русского языка, русской письменной культуры.

Наиболее ценной рукописью является Евангелие-апракос XIV в. (ОРРК НБ КГУ, № 2072). Книга написана красивым уставом на пергамене в лист; начало и конец рукописи утрачены, в настоящее время она включает 159 листов (по две колонки на каждой стороне листа). Рукопись описывалась П.Д. Шестаковым (1880 г.) и учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ А.С. Архангельским (1883 г.) [4, 5]. Язык рукописи не изучен. Отдельные замечания по языку евангелия содержатся в указанных двух работах, а также в статьях Л.П. Жуковской и Г.А. Николаева [6–8].

Казанский апракос по своим языковым особенностям интересен для исследователей истории русского литературного языка в его славяно-книжном раз-

ряде. Рукопись евангелия отражает состояние языка непосредственно после процесса падения редуцированных. Она фиксирует опущение гласных ъ и ь, огласовку бывших редуцированных, причем, что интересно, – и в слабой позиции (**донедеже, прелестити, оумноженнѣ**). Обращает на себя внимание огласовка редуцированных в кратких прилагательных с суффиксом *-ьск-* (**дѣтѣскъ, жидовскъ, сидонскъ** и др.), а также на конце слов перед указательными местоимениями в роли послелогов: **годо съ, глаголо съ, миро съ, родо съ, рабо тѣ** и т. п. Создается впечатление, что рукопись отражает тот период после падения ъ и ь, когда в этом процессе превалировали чисто фонетические моменты и не вступили в действие, где необходимо, морфологические «торомоза». Так, мы наблюдаем разобшение основ в слове **жърьць: жрець, жерцю, жерци, жерцемъ**, как и в деловых грамотах этого периода (середины XIV в.), но нет еще свидетельств унификации разобщенных основ.

Интересны факты в словах с группой *ьрт*. В языке памятника отмечен один случай огласовки второго полногласия: **горестью** из **гърестью (гърьстью)**: **аще не оумыють горестью рүкъ** (49). Разные случаи огласовки мы наблюдаем в слове *бревно* (древнерус. **брьвно**). В этом слове происходило развитие гласной вставки – **брьвно**, которое приводило к разной огласовке редуцированных в процессе их падения. Казанский апракос отражает как раз тот период, когда были возможны различные написания этого слова и не было проведено унификации основы: **изми брьвно..брьвна ненавидя..брьвна не чюкши**. Случаи второго полногласия на стадии их огласовки весьма показательны для определения места написания рукописи, указывая на русские земли севернее Москвы.

Об этом же в известном смысле говорят и случаи смешения в рукописи **ѣ** и *и*: **свидителемь** (124 об), **цили, кисаревъ, свитающе** и др., с одной стороны, и **завѣсть**, с другой. Количество случаев незначительно, но, взятые с другими фонетическими чертами, отраженными в рукописи, они могут иметь значение при определении места ее написания. Замены **ѣ** и *и* характерны для ряда территорий Древней Руси, в том числе и для северного ареала древнерусского языка (новгородская, вологодская земли). Но в рукописи мы имеем дело не с заменой, а смешением этих двух звуков. Учитывая это, а также полное отсутствие новгородского цоканья и чоканья, других новгородских черт, а также наличие форм типа **къленѣтсѧ**, можно предположить, что место написания рукописи находится на северо-запад от Москвы, на северных границах тверской земли. Сходные фонетические черты мы находим и в Тверском евангелии 1478 г. (НМРТ, № 8772), определенно написанном в Твери, о чем говорит запись в этой рукописи.

На середину XIV в. как возможное время написания казанского апракоса указывает тот факт, что рукопись не несет в своем языке следов второго южнославянского влияния. И эта особенность, как и другие фонетические черты, сближает евангелие с Мерилом Праведным, написанным в то же время и на той же территории [9, 10]. Можно сказать, что перед нами значительно «русифицированный» список евангелий, созданных на Руси до этого времени. Одним из

аргументов в пользу этого является предпочтительное написание напряженных редуцированных в восточнославянском варианте: **БЕЗУМЬКЪ**, **ВРАЖЬГА**, **ЛЮДЬКЪ**, **ЛОЗЬКЪ**, **ПИСАНЬКЪ** и др., на что обратил внимание и А.С. Архангельский [11].

Об этом же говорит и регулярная передача сочетания **dj* через *жс*: **ЗИЖЮЩЕН**, **ГРАЖАНЕ**, **ОДЕЖА** (л. 46), **МЕЖЮ**, **РОЖЕННЕ** (л. 46 об., л. 76) и др. [11, с. 6]. В то же время древние сочетания **tj* и **kti* передаются, как и в других рукописях русского извода, через *щ*: **ХОЩЮ** (л. 23 об.), **ПОЛУНОЩИ** (л. 97 об.) и др. Феномен этот известен науке и имеет твердое объяснение.

В области консонантизма обращает на себя внимание качество шипящих и *ц*, которые в это время были, безусловно, мягкими: **ВЪПРОШЮ** (л. 34), **АЛЧЮЩЕ** (л. 105), **КНИЖНИЦИ** (л. 71), **ВЪСХОДНИЦЮ** (л. 100), **ОДЕЖЮ** (л. 46), **М҃ЖЮ** (л. 94) и многие другие. На этом фоне отдельные написания типа **НОЖЪ** (л. 130) скорее всего отражают не столько качество шипящего, сколько свидетельствуют о графическом освоении букв *ъ* и *ь* в первое время после утраты ими звукового содержания.

Необходимо сделать заключение и об ассимилятивных процессах в языке писца: **ВОЖЖЕТЪ** (из **ВЪЗЖЪЖЕТЪ**), **ВОСЪПИША** (из **ВЪЗЪПИША**); в последнем случае заодно мы убеждаемся в отсутствии звукового содержания буквы **ъ**, поскольку здесь не имеется препятствия для оглушения *з* перед *п*.

Следует указать и на преимущественное написание сочетаний *ки*, *ги*, *хи* вместо прежних *кы*, *гы*, *хы*, хотя последние тоже встречаются в рукописи. Ср.: **ДОСКИ** (л. 36), **КНИГИ** (л. 77 об.), **МНОГИ** (л. 95 об.), **АРХИКРЕН** (л. 120), но **АРХИКРѢКМЪ** (л. 130), **КЪНИГИ** (л. 56), **ЖИДОВЬСКИА** (л. 67) и др. Колебания в написании скорее всего свидетельствуют о колебаниях и в произношении, что указывает на определенное время написания рукописи.

Интересен памятник и своей лексической стороной, поскольку дает различия с другими списками апракосов. Эти различия отражают прежде всего замены греческих заимствований в ранних апракосах на славянские образования. Ср. показания Остромирова Евангелия с языковыми фактами казанского апракоса: **нереи** – **жрец**, **параклит** – **ѹтѣшителъ**, **елей** – **масло дереванное** и др. В области словообразования казанский апракос во многом идентичен ранним евангелиям. Исключение составляет только количество имен с суффиксом **ѹствиикъ**, число которых в казанском апракосе (л. 4) в несколько раз меньше, чем в Остромирове Евангелии (л. 10), что лишний раз подтверждает усиление «русского элемента» в славяно-книжном слоге на данном этапе истории русского литературного языка, перед вторым южнославянским влиянием [12].

Вопрос о времени написания рукописи решается с учетом и морфологии памятника. Весьма показательным в этом плане довольно последовательное употребление в евангелии форм супина, на что обратил внимание именно А.С. Архангельский. Он отметил следующие случаи: **вшедъ царь видѣтъ възлежащихъ** (л. 49), **да не слѣзетъ взатъ ихъ** (л. 79), **приде видѣтъ гроба** (л. 140 об.), **идущимъ же имъ купитъ** (л. 54), **иду искуситъ ихъ** (л. 83 об.), **иде молитса** (л. 47 об.), **изиде наатъ дѣлателъ** (л. 32 об.), **пришелъ кси**

погубить ны (л. 23), *придоша послушать кого и-цѣлитса* (л. 58 об.), *изиде сѣян сѣлатъ* (л. 23) и др.

Формы супина, как известно, исчезли из русского языка и заменились инфинитивными формами. Мнения ученых о времени завершения этого процесса расходятся, но большинство склоняется к тому, что XIV в. был последним веком в жизни супина (П.С. Кузнецов, М.А. Соколова, В.И. Собиинникова, Л.П. Якубинский, И.В. Устинов). Интересно, что П.С. Кузнецов считает, что супин дольше держался в языке северных памятников. Все эти мнения имеют отношение к датировке рукописи и частично к определению места ее написания. Взятые все вместе – и фонетические, и морфологические, и другие особенности языка Евангелия-апракос – они не противоречат сделанным выводам о середине XIV в. как времени написания рукописи и о землях севернее Москвы как месте ее создания.

Интересна в лингвистическом отношении рукопись Богородичника середины XV века (ОРРК НБ КГУ, № 8787). Книга написана в основном двумя писцами: первым писцом написаны лл. 1 – 64, 265 об. – 300 об. и 309 об. – 310 об.; вторым – лл. 64 об. – 265 об. (до середины страницы) и лл. 301 – 309 об. написаны третьим писцом.

Особенно показательно то, что части *Богородичника*, написанные разными писцами, различаются не только почерками, но и языком: второй писец придерживался церковнославянских норм русского извода, в то время как у первого в языке встречается много специфических южнославянских (скорее среднеболгарских) элементов. К ним относятся следующие:

1) смешение **л** и **ж**: *чистыѣ отрковица* вместо *чистыа отрковица* (л. 1), *обистожнии* вместо *обистоании* (л. 3), порядок юсов в следующих примерах является одним из типичных показателей результатов тырновской реформы: *окааннѣа дѣшѣ* вместо *окааннѣж дѣшѣ* (л. 3), *свѣтѣаѣ* вместо *свѣтѣаѣж* (л. 3) и др.;

2) употребление **ѣ** преимущественно в середине слова и в предлогах, а **ь** в конце слова: *въсѣѣ* (л. 5), *въ тевѣѣ* (л. 8), *къ спасенію* (л. 3) – но *врагь* (л. 3), *возмогь* (л. 3), *образь* (л. 5 об.), *мирь* (л. 7 об.), *ѣзыкь* (л. 7 об.) и т. п.; второй писец редко смешивает **ѣ** с **ь** и передает их в основном верно;

3) употребление **ѣ** на месте **л**: *избавѣѣжци* (лл. 1 об., 3, 25), *павѣѣжци* (л. 26), *наставѣѣжци* (л. 61) и т. п.;

4) опущение **ь** в суффиксе *-тель-* перед **н**: *обьстоѣтелнаа* (л. 1 об.), *прѣстателница* (25), *богородителнице* (лл. 11, 13, 30 об.) и др.

Некоторые «южнославянизмы» в тексте, встречающиеся в употреблении обоих писцов, были типичны для той эпохи – к ним можно отнести: 1) употребление **рѣ/лѣ** (причем часто со смешением редуцированного): *прѣвыимѣ* (л. 11), *тврѣдо* (л. 3), *облѣксѣ* (л. 13), *трѣніе* (л. 116) и т. п.; 2) употребление **а** вместо **я**: *въспѣѣтаа* (л. 28), *неоуѣсопнаа* (л. 28), *вгородованнаа* (л. 175) и т. п.

Возникает естественный вопрос: как получилось, что одна рукопись написана двумя писцами, отличающимися один от другого не только почерками, но

и языком? Возможны разные предположения, из которых наиболее реальными следует признать два:

1) оба писца были русскими, но переписывали книгу с болгарского оригинала: один сохранял его, другой правил, русифицировал;

2) оба писца работали с русским оригиналом, но один из писцов был болгарин, поэтому у него проскальзывали среднеболгарские языковые элементы.

С учетом исторических и культурно-исторических факторов того времени наиболее вероятным представляется второй вариант.

В настоящее время ведутся активные исследования специфики так называемого церковно-делового языка, т. е. языка церковного законодательства, строительства, регламента и т. п. Большую роль в этом сыграли хранящиеся в Казани церковно-деловые книги: Устав Иерусалимский 1554–1556 гг. (о нем речь шла выше) и Око Церковное 1429 г. (ОРРК НБ КГУ, № 4634). Оба эти памятника, будучи памятниками церковно-делового жанра, представляют большой интерес для исторической стилистики и диахронии текста. В отличие от Мерила Праведного они, как и Богородичник, несут на себе ощутимые следы второго южнославянского влияния.

Око Церковное является в определенной мере разностильным в пределах славяно-книжного разряда русского литературного языка памятником. Разностильность его связана со спецификой жанра типикона, в котором совмещается сборник поучений, указаний, инструкций по проведению церковных служб и других обрядов, и молитвослова, молитвы и величания которого расположены среди указанных инструкций. Конечно, перед нами текст церковный, отличающийся своими закономерностями, устоявшимися нормами, прочными языковыми традициями, но передающий церковно-бытовое содержание. И это диалектическое единство церковной формы и бытового содержания и определяет специфику жанра Ока Церковного [13].

Все это отразилось в языковых формах рукописи, особенно в лексике и словообразовании, чутко реагирующих на тип текста.

Показательны в последнем случае формы типа **с҃убѡтница**, **҃треница**, **пол҃нощница**, **обедня**, **вечерня**, **҃трена** и т. п. вместо **҃трения**, **вечерняя**, **обедня**, **с҃убѡтняя**, **пол҃нощная сл҃ужба**. Перед нами случает так называемого морфологического и семантического включения, широко представленного в деловом языке того периода. Разница заключается только в лексических характеристиках универбатов: если в нашем памятнике они называют различного рода церковные службы, то в деловых грамотах они обозначают названия разного рода грамот: **докладница** или **докладная** (**докладная грамота**), **данница** или **данная** (**данная грамота**) и т. п.

Тексты памятника имеют церковно-книжную основу, но свои номинативные средства они черпают в основном из фонда общерусских языковых форм, общих для славяно-книжной и народно-разговорной разновидностей древнерусского литературно-письменного языка. Если с книжными стилями этот жанр сближают количественные показатели в использовании определенных языковых форм, то качественные характеристики этих средств говорят о безусловном влиянии на эти тексты русского делового языка [14].

На материале славяно-русских памятников, хранящихся в Казани, можно решать и другие лингвистические вопросы. Рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на этих проблемах. Отметим только, что группой казанских ученых описано к настоящему времени более пятидесяти рукописных книг XIV – XVII вв. из местных собраний. Большой интерес представляют датированные книги, поскольку с опорой на их показания можно решать палеографические и языковые проблемы недатированных рукописей.

Среди казанских датированных книг – Око Церковное 1429 г. (ОРРК № 4634), Тверское Евангелие 1478 г. (НМРТ № 8772), Сборник толкований («Кааф») 1498 г. (НАРТ № 468), Миная общая (праздничная) 1527 г. (НБЛ № 8795), Устав Иерусалимский 1554–1556 гг. (НМРТ № 9477), Донатус 1563 г. (ОРРК № 4434); Миная служебная (апрель) 1587 г. (НАРТ № 90), Хронограф 1646 г. (ОРРК № 1071). В дальнейшем список этот пополнится. Сейчас же можно сказать, что как датированные, так и недатированные рукописи, хранящиеся в Казани, интересны своими кодикологическими, палеографическими и лингвистическими особенностями и представляют значительный интерес для истории книжной культуры Казани и России в целом.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 01-03-00854а).

Summary

G.A. Nikolaev. Hand-written books of XIV – XVII centuries in book-depositories of Kazan and their cultural-historical value.

The paper gives the analysis of Russian hand-written books of XIV – XVIIth centuries stored in book-depositories of Kazan in the perspective of linguistic features and cultural-historical value.

Литература

1. Материалы по истории ТАССР. Писцовые книги г. Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – С. 12.
2. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Изв. ОРЯС Имп. АН. – СПб., 1885–1895. – Т. 1. – С. 289–1023.
3. *Марков В.М.* Избранные работы по русскому языку. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 32.
4. *Шестаков П.Д.* Заметка о старинном харатейном Евангелии конца XIV в., принесенном в дар Обществу Я.И. Расторгуевым // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань, 1880. – Т. 2. – С. 121–127.
5. *Архангельский А.С.* Древнеславянское евангелие, принадлежащее Обществу археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // Отдельный оттиск из «Филологических записок». – Воронеж, 1883.
6. *Жуковская Л.П.* Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. – М.: Наука, 1968. – С. 199–322.
7. *Николаев Г.А.* Заметки о языке Мерила Праведного // Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Ижевск, 1965. – Вып. 4. – С. 176–186.

8. *Николаев Г.А.* Казанское Евангелие-апракос XIV века // Тр. и материалы: II межд. Бодуэновские чтения, Казанская лингвистическая школа: традиции и современность, Казань, 11–13 дек. 2003 г. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 2. – С. 94–96.
9. *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. – М.: АН СССР, 1941. – С. 105.
10. *Данилова В.М.* Палеографическое и фонетическое описание рукописи Мерило Праведное (Троицкое собрание 15) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1969. – С. 13.
11. *Архангельский А.С.* Указ, Соч. – С. 3.
12. *Николаев Г.А.* Имена существительные с суффиксом **-ьствикъ** в древнерусском литературном языке // История русского языка: Стилистика. Текст. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – С. 41–42.
13. *Чижевская Е.Е.* «Око Церковное» 1429 г. и стилевая дифференциация церковнославянского языка // История русского языка: Стилистика. Текст. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – С. 147.
14. *Бальцезжак Е.Е., Николаев Г.А.* О языке церковно-деловых текстов древнерусской письменности // Словообразование. Стилистика. Текст: Номинативные средства в текстах разных функциональных стилей. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – С. 155–163.

Поступила в редакцию
23.09.05

Николаев Геннадий Алексеевич – доктор филологических наук профессор, заведующий кафедрой истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: Guennadi.Nikolaev@ksu.ru